

Василий Андреевич Жуковский

Двенадцать спящих дев

**Жуковский Василий
Андреевич
Двенадцать спящих дев**

Василий Андреевич Жуковский

Двенадцать спящих дев

Старинная повесть в двух балладах

Опять ты здесь, мой благодатный Гений,

Воздушная подруга юных дней;

Опять с толпой знакомых привидений

Теснишься ты, Мечта, к душе моей...

Приди ж, о друг! дай прежних вдохнове-
ний.

Минувшею мне жизньию повея,

Побудь со мной, продли очарованья,

Дай сладкого вкусить воспоминанья.

Ты образы веселых лет примчала

И много милых теней восстает;

И то, чем жизнь столь некогда пленяла,

Что Рок, отняв, назад не отдает,

То все опять душа моя узнала;

Проснулась Скорбь, и Жалоба зовет

Сопутников, с пути сошедших прежде

И здесь вотще поверивших надежде.

К ним не дойдут последней песни звуки;

Рассеян круг, где первую я пел;

Не встретят их простертые к ним руки;

Прекрасный сон их жизни улетел.

Других умчал могущий Дух разлуки;

Счастливым край, их знавший, опустел;
Разбросаны по всем дорогам мира
Не им поет задумчивая лира.
И снова в томном сердце воскресает
Стремленье в оный таинственный свет;
Давнишний глас на лире оживает,
Чуть слышимый, как Гения полет;
И душу хладную разогревает
Опять тоска по благам прежних лет:
Все близкое мне зрится отдаленным,
Отжившее, как прежде, оживленным.

Баллада первая

ГРОМОБОЙ

Leicht aufzuritzen ist das Reich
der Geister;

Sie liegen wartend unter dunner Decke
Und, leise horend, sturmen sie herauf.

Schiller *

АЛЕКСАНДРЕ АНДРЕЕВНЕ

ВОЕЙКОВОЙ

Моих стихов желала ты

Желанье исполняю;

Тебе досуг мой и мечты

И лиру посвящаю.

Вот повесть прадедовских лет.

Еще ж одно - желанье:
Цвети, мой несравненный цвет,
Сердце очарованье;
Печаль по слуху только знай;
Будь радостью света;
Моих стихов хоть не читай,
Но другом будь поэта.

Над пенистым Днепром-рекой,
Над страшною стремниной,
В глухую полночь Громобой
Сидел один с кручиной;
Окрест него дремучий бор;
Утесы под ногами;
Туманен вид полей и гор;
Туманы над водами;
Подернут мглою свод небес;
В ущельях ветер свищет;
Ужасно шепчет темный лес,
И волк во мраке рыщет.
Сидит с поникшей головой
И думает он думу:
"Печальный, горький жребий мой!
Клянусь судьбу угрюму;
Дала мне крест тяжелый несть;

Всем людям жизнь отрада:
Тем злато, тем покой и честь
А мне сума награда;
Нет крова защитит главу
От бури, непогоды...
Устал я, в помощь вас зову,
Днепровски быстры воды".
Готов он прыгнуть с крутизны...
И вдруг пред ним явленье:
Из темной бора глубины
Выходит привиденье,
Старик с шершавой бородой,
С блестящими глазами,
В дугу сомкнутый над клюкой,
С хвостом, когтьми, рогами.
Идет, приблизился, грозит
Клюкою Громобою...
И тот как вкопанный стоит,
Зря диво пред собою.
"Куда?" - неведомый спросил.
"В волнах скончать мученья".
"Почто ж, бессмысленный, забыл
Во мне искать спасенья?"
"Кто ты?" - воскликнул Громобой,
От страха цепенея.

"Заступник, друг, спаситель твой:
Ты видишь Асмодея".

"Творец небесный!"- "Удержись!

В молитве нет отрады;

Забудь о боге - мне молись;

Мои верней награды.

Прими от дружбы, Громобой,

Полезное ученье:

Постигнут ты судьбы рукой,

И жизнь тебе мученье;

Но всем бедам найти конец

Я способы имею;

К тебе нежалостлив творец,

Прибегни к Асмодею.

Могу тебе я силу дать

И честь и много злата,

И грудью буду я стоять

За друга и за брата.

Клянусь... свидетель ада бог,

Что клятвы не нарушу;

А ты, мой друг, за то в залог

Свою отдай мне душу".

Невольно вздрогнул Громобой,

По членам хлад стремится;

Земли невзвидел под собой,

Нет сил перекреститься.
"О чем задумался, глупец?"
"Страшусь мучений ада".
"Но рано ль, поздно ль... наконец
Все ад твоя награда.
Тебе на свете жить - беда;
Покинуть свет - другая;
Останься здесь - поди туда,
Везде погибель злая.
Ханжи-причудники твердят:
Лукавый бес опасен.
Не верь им - бредни; весел ад,
Лишь в сказках он ужасен.
Мы жизнь приятную ведем;
Наш ад не хуже рая;
Ты скажешь сам, ликуя в нем:
Лишь в аде жизнь прямая.
Тебе я терем пышный дам
И тьму людей на службу;
К боярам, витязям, князьям
Тебя введу я в дружбу;
Досель красавиц ты пугал
Придут к тебе толпою;
И, словом,- вздумал, загадал,
И все перед тобою.

И вот в задаток кошелек:
В нем вечно будет золото.
Но десять лет - не боле - срок
Тебе так жить богато.
Когда ж последний день от глаз
Исчезнет за горою,
В последний полуночный час
Приду я за тобою".
Стал думу думать Громобой,
Подумал, согласился
И обольстителю душой
За золото поклонился.
Разрезав руку, написал
Он кровью обещанье;
Лукавый принял - и пропал,
Сказавши": "До свиданья!"
х х х

---

* Нам в области духов легко проникнуть;
Нас ждут они, и молча стерегут,
И, тихо внемля, в бурях вылетают.
Шиллер. (Пер. В. А. Жуковского.)
И вышел в люди Громобой
Откуда что взялося!
И счастье на него рекой

С богатством полилося;
Как княжеский, разубран дом;
Подвалы полны злата;
С заморским выходы вином,
И редкостей палата;
Пирь - хоть пост, хоть мясоед;
Музыка роговая;
Для всех - чужих, своих - обед
И чаша круговая.
Возможно все в его очах,
Всему он повелитель:
И сильным бич, и слабым страх,
И хищник, и грабитель.
Двенадцать дев похитил он
Из отческой их сени;
Презрел невинных жалкий стон
И родственников пени;
И в год двенадцать дочерей
Имел от обольщенных;
И был уж чужд своих детей
И крови уз священных.
Но чад оставленных щитом
Был ангел их хранитель:
Он дал им пристань - божий дом,
Смирения обитель.

В святых стенах монастыря
Сокрыл их с матерями:
Да славят вышнего царя
Невинных уст мольбами.
И горней благодати сень
Была над их главою;
Как вешний ароматный день,
Цвели они красою.
От ранних колыбельных лет
До юности златая
Им ведом был лишь божий свет,
Лишь подвиги благие;
От сна вставая с юным днем,
Стекались во храме;
На клиросе, пред алтарем,
Кадиланиц в фимиаме,
В священный литургии час
Их слышалось пенье
И сладкий непорочных глас
Внимало провиденье.
И слезы нежных матерей
С молитвой их сливались,
Когда во храме близ мощей
Они распростирались.
"О! дай им кров, небесный царь

(То было их моление);
Да будет твой святой алтарь
Незлобных душ спасенье;
Покинул их родной отец,
Дав бедным жизнь постылу;
Но призри ты сирот, творец,
И грешника помилуй..."
Но вот... настал десятый год;
Уже он на исходе;
И грешник горьки слезы льет:
Всему он чужд в природе.
Опять украшены весной
Луга, пригорки, доли;
И пахарь весел над сохой,
И счастья полны се лы;
Не зрит лишь он златой весны:
Его померкли взоры;
В туман для них погребены
Луга, долины, горы.
Денница ль красная взойдет
"Прости,- гласит,- денница".
В дубраве ль птичка пропоет
"Прости, весны певица...
Прости, и мирные леса,
И нивы золотые,

И неба светлая краса,
И радости земные".
И вспомнил он забытых чад;
К себе их призывает;
И мнит: они творца смягчат;
Невинным бог внимает.
И вот... настал последний день;
Уж солнце за горою;
И стелется вечерня тень
Прозрачной пеленою;
Уж сумрак... смерклось... вот луна
Блеснула из-за тучи;
Легла на горы тишина;
Утих и лес дремучий;
Река сровнялась в берегах;
Зажглись светила ночи;
И сон глубокий на полях;
И близок час полночи...
И, мучим смертною тоской,
У спасовой иконы
Без веры ищет Громобой
От ада обороны.
И юных чад к себе призвал
Сердца их близки раю
"Увы! молитесь (вопиял),

Молитесь, погибаю!"
Младенца внятен небу стон:
Невинные молились;
Но вдруг... на них находит сон...
Замолкли... усыпились.
И все в ужасной тишине;
Окрестность как могила;
Вот... каркнул ворон на стене;
Вот... стая псов завывла;
И вдруг... протяжно полночь бьет;
Нашли на небо тучи;
Река надулась; бор ревет;
И мчится прах летучий.
Увы!.. последний страшный бой
Оттрянул за горами...
Гул тише... смолк... и Громобой
Зрит беса пред очами.
"Ты видел,- рек он,- день из глаз
Сокрылся за горою;
Ты слышал: бил последний час;
Пришел я за тобою".
"О! дай, молю, хоть малый срок;
Терзаюсь, ад ужасен".
"Свершилось! неизбежен рок,
И поздний вопль напрасен".

"Минуту!" - "Слышишь? Цепь звучит".
"О страшный час! помилуй!"
"И гроб готов, и саван сшит,
И роют уж могилу.
Заутра день взойдет во мгле.
Подымутся стенанья;
Увидят труп твой на столе,
Недвижный, без дыханья;
Кадил и свеч в дыму густом,
При тихом ликов пенье,
Тебя запрут в подземный дом
Навеки в заточенье;
И страшно заступ заступит
Над кровлей гробовою;
И тихо клир провозгласит:
"Усопший, мир с тобою!"
И мир не будет твой удел:
Ты адово стяжанье!
Но время... идут... час приспел.
Внимай их завыванье;
Сошлись... призывный слышу клич.
Их челюсти зияют;
Смола клокочет... свищет бич...
Оковы разжигают".
"Спаситель-царь, вонми слезам!"

"Напрасное моление!"

"Увы! позволь хоть сиротам
Мне дать благословенье".

Младенцев спящих видит бес
Сверкнули страшно очи!

"Лишить их царствия небес,
Предать их адской ночи...

Вот слава! мне восплещет ад
И с гордым Сатаною".

И, усмирив грозящий взгляд,
Сказал он Громобою:

"Я внял твоей печали глас;
Есть средство избавленья;
Покорен будь, иль в ад сей час
На скорби и мученья.

Предай мне души дочерей
За временну свободу,
И дам, по милости своей,
На каждую по году".

"Злодей! губить невинных чад!"

"Ты медлишь? Приступите!
Низриньте грешника во ад!

На части разорвите!"

И вдруг отсюда крик и стон;
Земля затрепетала;

И грянул гром со всех сторон;
И тьма бесов предстала.
Чудовищ адских грозный сонм;
Бегут, гремят цепями,
И стали грешника кругом
С разверзтыми когтями.
И ниц повергся Громобой,
Бесчувствен, полумертвый;
И вопит: "Страшный враг, постой!
Постой, готовы жертвы!"
И скрылись все. Он будит чад...
Он пишет их рукою...
О страх! свершилось... плещет ад
И с гордым Сатаною.
Ты казнь отсрочил, Громобой,
И дверь сомкнулась ада;
Но жить, погибнувши душой,
Коль страшная отрада!
Влачи унылы дни, злодей,
В болезни ожиданья;
Веселья нет душе твоей,
И нет ей упованья;
Увы! и красный божий мир
И жизнь ему постылы;
Он в людстве дик, в семействе сир.

Он вживе снеть могилы.
Напрасно веет ветерок
С душистыя долины;
И свет луны сребрит поток
Сквозь темны лип вершины;
И ласточка зари восход
Встречает щебетаньем;
И роца в тень свою зовет
Листочков трепетаньем;
И шум бегущих с поля стад
С пастушьими рогами
Вечерний мрак животворят,
Теряясь за холмами...
Его доселе светлый дом
Уж сумрака обитель.
Угрюм, с нахмуренным лицом
Пиров веселых зритель,
Не пьет кипящего вина
Из чаши круговыя...
И страшен день; и ночь страшна;
И тени гробовыя
Он всюду слышит грозный вой;
И в час глубокой ночи
Бежит одра его покой;
И сон забыли очи.

И тьмы лесов страшится он:
Там бродит привиденье;
То чудится полночный звон,
То погребально пенье;
Страшит его и бури свист,
И грозных туч молчанье,
И с шорохом падающий лист,
И роци содроганье.
Прокатится ль по небу гром
Бледнеет, дыбом волос;
"То мститель, послан божеством;
То казни страшный голос".
И вид прелестный юных чад
Ему не наслажденье.
Их милый, чувства полный взгляд,
Спокойствие, смиренность,
Краса - веселие очей,
И гласа нежны звуки,
И сладость ласковых речей
Его сугубят муки.
Как роза - благовонный цвет
Под сению надежной,
Они цветут: им скорби нет;
Их сердце безмятежно.
А он?.. Преступник... он, в тоске

На них подъяемля очи,
Отверзту видит вдалеке
Пучину адской ночи.
Он плачет; он судьбу клянет;
"О милые творенья,
Какой вас лютый жребий ждет!
И где искать спасенья?
Напрасно вам дана краса;
Напрасно сердцу милы;
Закрыт вам путь на небеса;
Цветете для могилы.
Увы! пора любви придет:
Вам сердце тайну скажет,
Для вас украсит божий свет,
Вам милого покажет;
И взор наполнится тоской,
И тихим грудь желаньем,
И, распаленные душой,
Влекомы ожиданьем,
Для вас взойдет краснее день,
И будет луг душистей,
И сладостней дубравы тень
И птичка голосистей.
И дни блаженства не придут;
Страшитесь милой встречи;

Для вас не брачные зажгут,
А погребальны свечи.
Не в божий, гимнов полный, храм
Пойдете с женихами...
Ужасный гроб готовят нам;
Прокляты небесами.
И наш удел тоска и стон
В обителях геенны...
О, грозный жребия закон,
О, жертвы драгоценны!.."
Но взор возвел он к небесам
В душевном сокрушенье
И мнит: "Сам бог вещает нам
В раскаянье спасенье.
Возносятся пред вышний трон
Преступников стенанья..."
И дом свой обращает он
В обитель покаянья:
Да странник там найдет покой,
Вдова и сирый друга,
Голодный сладку снеть, больной
Спасенье от недуга.
С утра до ночи у ворот
Служитель настороже;
Он всех прохожих в дом зовет:

"Есть хлеб-соль, мягко ложе".
И вот уже из всех краев,
Влекомые молвою,
Идут толпы сирот, и вдов,
И нищих к Громобою;
И всех приемлет Громобой,
Всем дань его готова;
Он щедрой злато льет рукой
От имени Христова.
И божий он воздвигнул дом;
Подобье светла рая,
Обитель иноков при нем
Является святая;
И в той обители святой,
От братии смиренной
Увечный, дряхлый, и больной,
И скорбью убиенный
Приемлют именем творца
Отраду, исцеленье:
Да воскрешаемы сердца
Узнают провиденье.
И славный мастер призван был
Из города чужого;
Он в храме лик изобразил
Угодника святого;

На той иконе Громобой
Был видим с дочерями,
И на молящихся святой
Взирал любви очами.

И день и ночь огонь пылал
Пред образом в лампаде,
В златом венце алмаз сиял,
И перлы на окладе.

И в час, когда редет тень,
Еще дубрава дремлет
И воцаряющийся день
Полнеба лишь объемлет;

И в час вечерней тишины
Когда везде молчанье
И свечи, в храме возжжены,
Льют тихое сиянье,

В слезах раскаянья, с мольбой,
Пред образом смиренно
Распростирался Громобой,
Веригой отягченный...Но быстро, быстро с

гор текут

В долину вешни воды
И невозвратные бегут
Дни, месяцы и годы.

Уж время с годом десять лет

Невидимо умчало;
Последнего двух третей нет
И будто не бывало;
И некий неотступный глас
Вещает Громобою:
"Всему конец! твой близок час!
Погибель над тобою!"
И вот... недуг повергнул злой
Его на одр мученья.
Растерзан лютою рукой,
Не чая исцеленья,
Всечасно пред собой он зрит
Отверзту дверь могилы;
И у возглавия сидит
Над ним призрак унылый.
И нет уж сил ходить во храм
К иконе чудотворной
Лишь взор стремится он к небесам,
Молящий, но покорный.
Увы! уж и последний день
Край неба озлащает;
Сквозь темную дубравы сень
Блистанье проникает;
Все тихо, весело, светло;
Все негой сладкой дышит;

Река прозрачна, как стекло;
Едва, едва колышет
Листами легкий ветерок;
В полях благоуханье,
К цветку прилипнул мотылек
И пьет его дыханье.
Но грешник сей встречает день
Со стоном и слезами.
"О, рано ты, ночная тень,
Рассталась с небесами!
Сойдитесь, дети, одр отца
С молитвой окружите
И пред судилище творца
Стенания пошлите.
Ужасен нам сей ночи мрак;
Взывайте: искупитель,
Смягчи грозящий гнева зрак;
Не будь нам строгий мститель!"
И страшного одра кругом
Где бледен, изможденный,
С обезображенным челом,
Все кости обнаженны,
Брада до чресл, власы горой,
Взор дикий, впалы очи,
Вопил от муки Громобой

С утра до поздней ночи
Стеклися девы, ясный взор
На небо устремили
И в тихий к провиденью хор
Сердца совокупили.
О вид, угодный небесам!
Так ангелы спасенья,
Вонмя раскаянья слезам,
С улыбкой примиренья,
В очах отрада и покой,
От горнего чертога
Нисходят с милостью святой,
Предшественники бога,
К одру болезни в смертный час...
И, утомлен страданьем,
Сын гроба слышит тихий глас:
"Отыди с упованьем!"
И девы, чистые душой,
Подъемля к небу руки,
Смиреной мыслили мольбой
Отца покоить муки:
Но ужас близкого конца
Над ним уже носился;
Язык коснеющий творца
Еще молить стремился;

Тоскуя, взором он искал
Сияния денницы...
Но взор недвижим угасал,
Смыкались зеницы.
"О дети, дети, гаснет день".
"Нет, утро; лишь проснулась
Заря на холме; черна тень
По доли протянулась;
И нивы пусты... в высоте
Лишь жаворонок вьется".
"Увы! завтра в красоте
Опять сей день проснется!
Но мы... уж скрылись от земли;
Уже нас гроб снедает;
И место, где поднесь цвели,
Нас боле не признает.
Несчастные, дерзну ль на вас
Изречь благословенье?
И в самой вечности для нас
Погибло примиренье.
Но не сопутствуйте отцу
С проклятием в могилу;
Молитесь, воззовем к творцу:
Разгневанный, помилуй!"
И дети, страшных сих речей

Не всю объемля силу,
С невинной ясностью очей
Воскликнули: "Помилуй!"
"О дети, дети, ночь близка".
"Лишь полдень наступает:
Пастух у вод для холодка
Со стадом отдыхает;
Молчат поля; в долине сон;
Пылает небо знойно".
"Мне чудится надгробный стон".
"Все тихо и спокойно;
Лишь свежий ветерок, порой
Подъемлясь с поля, дует;
Лишь иволга в глуши лесной
Повременно воркует".
"О дети, светлый день угас".
"Уж солнце за горою;
Уж по закату разлилась
Багряною струею
Заря, и с пламенных небес
Спокойный вечер сходит,
На зареве чернеет лес,
В долине сумрак бродит".
"О вечер сумрачный, постой!
Помедли, день прелестный!

Помедли, взор не узрит мой
Тебя уж в поднебесной!..
О дети, дети, ночь близка".
"Заря уж догорела;
В туман оделася река;
Окрестность побледнела;
И на распутии пылят
Стада, спеша к селенью".
"Спасите! полночь бьет!"- "Звонят
В обители к моленью:
Отцы поют хвалебный глас;
Огнями храм блистает".
"При них и грешник в страшный час
К тебе, творец, взывает!..
Не тмится ль, дети, неба свод?
Не мчатся ль черны тучи?
Не вздул ли вихорь бурных вод?
Не вьется ль прах летучий?"
"Все тихо... служба отошла;
Обитель засыпает;
Луна полнеба протекла;
И божий храм сияет
Один с холма в окрестной мгле;
Луга, поля безмолвны;
Огни по тухну ли в селе;

И рощи спят и волны".
И всюду тишина была;
И вся природа, мнилось,
Предустрашенная ждала,
Чтоб чудо совершилось...
И вдруг... как будто ветерок
Повеял от востока,
Чуть тронул дремлющий листок,
Чуть тронул зыбь потока...
И некий глас промчался с ним...
Как будто над звездами
Коснулся арфы серафим
Эфирными перстами.
И тихо, тихо божий храм
Отверзся... Неизвестный
Явился старец дев очам;
И лик красы небесной
И кротость благостных очей
Рождали упованье;
Одеян ризою лучей,
Окрест главы сиянье,
Он не касался до земли
В воздушном приближенье...
Пред ним незримые текли
Надежда и Спасенье.

Сердца их ужас обуял...
"Кто этот, в славе зримый?"
Но близ одра уже стоял
Пришлец неизъяснимый.
И к девам прикоснулся он
Полой своей одежды:
И тихий во мгновенье сон
На их простерся вежды.
На искаженный старца лик
Он кинул взгляд укора:
И трепет в грешника проник
От пламенного взора.
"О! кто ты, грозный сын небес?
Твой взор мне наказанье".
Но, страшный строгостью очес,
Пришлец хранит молчанье...
"О, дай, молю, твой слышать глас!
Одно надежды слово!
Идет неотразимый час!
Событие готово!"
"Вы лик во храме чтили мой;
И в том изображенье
Моя десница над тобой
Простерта во спасенье".
"Ах! Что ж могущий повелел?"

"Надейся и страшися".

"Увы! какой нас ждет удел?

Что жребий их?"- "Молися".

И, руки положив крестом

На грудь изнеможенну,

Пред неиспытанным творцом

Молитву сокрушенну

Умолкший проливал в слезах;

И тяжело грудь дышала,

И в призывающих очах

Вся скорбь души сияла...

Вдруг начал тмиться неба свод

Мрачнее и мрачнее;

За тучей грозною ползет

Другая вслед грознее;

И страшно сшиблись над головой;

И небо за клубилось;

И вдруг... повсюду с черной мглой

Молчанье воцарилось...

И близок час полночи был...

И ризою святою

Угодник спящих дев накрыл,

Отступника - десною.

И, устремленны на восток,

Горели старца очи...

И вдруг, сквозь сон и мрак глубокий,
В пучине черной ночи,
Завыл протяжно вещей бой
Окрестность с ним завывала;
Вдруг... страшной молния струей
Свод неба раздвоила,
По тучам вихорь пробежал,
И с сильным грома треском
Ревущей буре бес предстал,
Одеян адским блеском.
И змеи в пламенных власах
Клубясь, шипят и свищут;
И радость злобная в очах
Кругом, сверкая, рыщут;
И тяжелой цепью он гремел
Увлечь добычу льстился;
Но старца грозного узрел
У тихнул и смирился;
И вдруг гордыни блеск угас;
И, смутен, вопрошает:
"Что, мощный враг, тебя в сей час
К сим падшим призывает'."
"Я зрел мольбу их пред собой".
"Они мое стяжанье".
"Перед небесным судьей

Всесильно покаянье".

"И час суда его притек:

Их жребий совершися".

"Еще ко благодати не рек

Он в гневе: удалися!"

"Он прав - и я владыка им".

"Он благ - я их хранитель".

"Исчезни! ад неотразим".

"Ответствуй, Искупитель!"

И гром с востока полетел;

И бездну туч трикраты

Рассек браздами ярких стрел

Перун огнекрылатый;

И небо с края в край зажглось

И застонало в страхе;

И дрогнула земная ось...

И, воющий во прахе,

Творца грядуща слышит бес;

И молится хранитель...

И стал на высоте небес

Средь молний ангел-мститель.

"Гряди! и вечный божий суд

Несет моя десница!

Мне казнь и благодать предтекут...

Во прах, чадоубийца!"

О всемогущество словес!
Уже отступник тленье;
Потух последний свет очес;
В костях оцепененье;
И лик кончиной искажен;
И сердце охладело;
И от сомкнувшихся устен
Дыханье отлетело.
"И праху обладатель ад,
И гробу отверженье,
Доколь на погубленных чад
Не снидет искупленье.
И чадам непробудный сон;
И тот, кто чист душою,
Кто, их не зревши, распален
Одной из них красою,
Придет, житейское презрев,
В забвенну их обитель;
Есть обреченный спящих дев
От неба искупитель.
И будут спать: и к ним века
В полете не коснутся;
И пройдет тления рука
Их мимо; и проснутся
С неизменившейся красой

Для жизни обновленной;
И низойдет тогда покой
К могиле искупленной;
И будет мир в его костях;
И претворенный в радость,
Творца постигнув в небесах,
Речет: господь есть благодать!.."
Уж вестник утра в высоте;
И слышен громкий петел;
И день в воздушной красоте
Летит, как радость светел...
Узрели дев, объятых сном,
И старца труп узрели;
И мертвый страшен был лицом,
Глаза, не зря, смотрели;
Как будто, страждущ, прижимал
Он к хладным персям руки,
И на устах его роптал,
Казалось, голос муки.
И спящих лик покоен был:
Невидимо крылами
Их тихий ангел облачил;
И райскими мечтами
Чудесный был исполнен сон;
И сладким их дыханьем

Окрест был воздух растворен,
Как роз благоуханьем;
И расцветали их уста
Улыбкою прелестной,
И их являлась красота
В спокойствии небесной.
Но вот - уж гроб одет парчой;
Отверзлася могила;
И слышен колокола вой;
И теплятся кадила;
Идут и стар и млад во храм;
Полъемлется рыданье;
Дают бесчувственным устам
Последнее лобзанье;
И грянул в гроб ужасный млат;
И взят уж гроб землю;
И лик воспел: "Усопший брат,
Навеки мир с тобою!"
И вот - и стар и млад пошли
Обратно в дом печали;
Но вдруг пред ними из земли
Вкруг дома грозно встали
Гранитны стены - верх зубчат,
Бока одеты лесом,
И, сгрянувшись, затворы врат

Задвинулись утесом.
И вспять погнал пришельцев страх:
Бегут, не озираясь;
"Небесный гнев на сих стенах!"
Вещают, содрогаясь.
И стала та страна с тех пор
Добычей запустенья;
Поля покрыл дремучий бор;
Рассыпались селенья.
И человеческий глас умолк
Лишь филин на утесе
И в ночь осеннюю гладный волк
Там воют в черном лесе;
Лишь дико меж седых берегов,
Спираема корнями
Изрытых бурею дубов,
Река клубит волнами.
Где древле окружала храм
Отшельников обитель,
Там грозно свищет по стенам
Змея, развалин житель;
И гимн по сводам не гремит
Лишь веющий порою
Пустынный ветер шевелит
В развалинах травую;

Лишь, отторгаясь от стен,
Катятся камни с шумом,
И гул, на время пробужден,
Шумит в лесу угрюмом.
И на туманистом холме
Могильный зрится камень.
Над ним всегда в полночной тьме
Сияет бледный пламень.
И крест поверженный обвит
Листами повилики:
На нем угрюмый вран сидит,
Могилы сторож дикий.
И все как мертвое окрест:
Ни лист не шевелится,
Ни зверь близ сих не пройдет мест,
Ни птица не промчится.
Но полночь лишь сойдет с небес
Вран черный встрепенется,
Зашепчет пробужденный лес,
Могила потрясется;
И видима бродяща тень
Тогда в пустыне ночи:
Как бледный на тумане день,
Ее сияют очи;
То взор возводит к небесам,

То, с видом тяжкой муки,
К непроницаемым стенам,
Моля, подьемлет руки.
И в недре неприступных стен
Молчание могилы;
Окрест их, мглою покровен,
Седеет лес унылый:
Там ветер не шумит в листьях,
Не слышно вод журчанья,
Ни благовония в цветах,
Ни в травке нет дыханья.
И девы спят - их сон глубок;
И жребий искупленья,
Безвестно, близок иль далек;
И нет им пробужденья.
Но в час, когда поля заснут
И мглой земля одета
(Между торжественных минут
Полночи и рассвета),
Одна из спящих восстает
И, странник одинокий,
Свой срочный начинает ход
Кругом стены высокой;
И смотрит в даль и ждет с тоской:
"Приди, приди, спаситель!"

Но даль покрыта черной мглой...
Нейдет, нейдет спаситель!
Когда ж исполнится луна,
Чреда приходит смены;
В урочный час пробуждена,
Одна идет на стены,
Другая к ней со стен идет,
Встречается и руку,
Вздохнув, пришелице дает
На долгую разлуку;
Потом к почиющим сестрам,
Задумчива, отходит,
А та печально по стенам
Одна до смены бродит.
И скоро ль? Долго ль?.. Как узнать?
Где вестник искупленья?
Где тот, кто властен побеждать
Все ковы обольщепья,
К прелестной прилеплен мечте?
Кто мог бы, чист душою,
Небесной верен красоте,
Непобедим земною,
Все предстоящее презреть
И с верою смиренной,
Надежды полон, в даль лететь

К награде сокровенной?..

1810

Баллада вторая

ВАДИМ

Du mußt glauben, du mußt wagen,
Denn die Gotter leih'n kein Pfand:
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schohne Wunderland.

Schiller *

ДМИТРИЮ НИКОЛАЕВИЧУ

БЛУДОВУ

Вот повести моей конец

И другу посвященье;

Певцу ж смиренному венец

Будь дружбы одобренье.

Вадим мой рос в твоих глазах;

Твой вкус был мне учитель;

В моих запутанных стихах,

Как тайный вождь-хранитель,

Он путь мне к цели проложил.

Но в пользу ли услуга?

Не знаю... Дев я разбудил,

Не усыпить бы друга.

В великом Новграде Вадим

Пленял всех красотой,
И дерзким мужеством своим,
И сердца простотою.
Его утеха - по лесам
Скитаться за зверями;
Ужасный вепрям и волкам
Разящими стрелами,
В осенний хлад и летний зной
Он с верным псом на ловле;
Ему постелей - мох лесной,
А свод небесный - кровлей.
Уже двадцатая весна
Вадимова настала;
И, чувства тайного полна,
Душа в нем унывала.
"Чего искать? В каких странах?
К чему стремить желанье?"
Но все - и тишина в лесах,
И быстрых вод журчанье.
И дня меняющийся вид
На облаке небесном,
Все, все Вадиму говорит
О чем-то неизвестном.
Однажды, ловлей утомлен,
Близ Волхова на бреге

Он погрузился в легкий сон...
Струи в свободном беге
Шумели, по корням древес
С плесканьем разливаясь;
Душой весны был полон лес;
Листочки, развиваясь,
Дышали жизнью молодой;
Все благовонно было...
И солнце с тверди голубой
К холмам уж нисходило.
И к утру видит сон Вадим:
Одеян ризой белой,
Предстал чудесный муж пред ним
Во взоре луч веселый,
Лик важный светел, стан высок,
На седилах блистанье,
В руке серебряный звонок,
На персях крест в сиянье;
Он шел, как будто бы летел,
И, осенив перстами,
Благовестящимн воззрел
На юношу очами.
"Вадим, желанное вдали;
Верь небу; жди смиренно;
Все изменяет на земли,

А небо неизменно;
Стремись, я провожатый твой!"
Сказал - и в то ж мгновенье
В дали явилось голубой
Прелестное виденье:
Младая дева, лик закрыт
Завесою туманной,
И на главе ее лежит
Венок благоуханный.
Вздыхая жалобно, рукой
Манило привиденье
Идти Вадима за собой...
И юноша в смятенье
К ней, сердцем вспыхнув, полетел..
Но вдруг... призрак сокрылся,
Вдали звонок один гремел,
И бледный луч светился;
И вместе с девою пропал
Старик в одежде белой...
Вадим проснулся: день сиял,
А в вышине... звенело.
Он смотрит вдаль на светлый юг:
Там ясно все и чисто;
Оттоль через обширный луг
Струею серебристой

Катился Волхов; небеса
Сливались там с землею;
Туда, за холмы, за леса,
Мчал облака толпою
Летучий, вешний ветерок...
Смятенный, в ожиданье,
Он смотрит, слушает... звонок
Умолк - и все в молчанье.
Три сряду утра тот же сон;
Душа его в волненье.
"О, что же ты,- взывает он,
Прекрасное явленье?
Куда зовешь, волшебный глас?
Кто ты, пришлец священный?
Ах! где она? Увижу ль вас?
И сердцу откровенный
Предел откроется ль очам?"
Но тщетно он очами
Летит к далеким небесам...
Туман под небесами.
И целый мир его мечтой
Пред ним одушевился.
Восток ли свежую красой
Денницы: золотился
Ему являлся там покров

На образе прелестном.
Дышал ли запахом цветов
В нем скорбь о неизвестном,
Стремленье в даль, любви тоска,
Томление разлуки;
И в каждом шуме ветерка
Звонка призывны звуки.

х х х

---

* Верь тому, что сердце скажет,
Нет залогов от небес:

Нам лишь чудо путь укажет
В сей волшебный край чудес.

Шиллер. (Пер. В. А. Жуковского) И он, не
властный победить

Могущего стремленья,
К отцу и к матери просить
Идет благословенья.

"Куда (печальная, в слезах,
Сказала мать сыну)?

В чужих испытывать странах
Неверную судьбину?

Постой; на родине твоей
Дом отчий безопасный;

Здесь сладостна любовь друзей;

Здесь девицы прекрасны".
"Увы! желанного здесь нет;
Спокой себя, родная;
Меня от вас в далекий свет
Ведет рука святая.
И не задремлет ни на час
Хранитель постоянный.
Но где он? Чей я слышал глас?
Кто вождь сей безымянный?
Куда ведет? Какой стезей?
Не знаю - и напрасен
В незнание страх... жив спутник мой:
Путь веры безопасен".
Надев на сына крест золотой,
Ответствует родная:
"Прости, да будет над тобой
Его любовь святая!"
Снимает со стены отец
Свои доспехи ратны:
"Прости, вот меч мой кладенец,
Мой щит и шлем булатный".
Сын в землю матери, отцу;
Целует образ; плачет;
Конь борзый подведен к крыльцу;
Он сел - он крикнул - скачет...

И пыльный по дороге след
Поднял конь быстроногий;
Но вот уже и следу нет:
И пыль слилась с дорогой...
Вздыхнул отец; со вздохом мать
Пошла в свою светлицу;
Ей долго ночь в слезах встречать,
В слезах встречать денницу;
Перед владычицей зажгла
С молитвою лампаду:
Чтобы ему покров была,
Чтоб ей дала отраду.
Вот на распутии Вадим.
Весь мир неизмеримый
Ему открыт; за ним, пред ним
Поля необозримы;
В чужбине он; в желанный край
Неведома дорога.
"Что ж медлишь? Верь - не выбирай;
Вперед, во имя бога;
Куда и как привести меня.
То вождь мой знает боле".
Так он подумал - и коня
Пустил бежать по воле.
И добрый конь как будто сам

Свою дорогу знает;
Он все на юг; он по полям
Путь новый пробивает;
Поток ли встретит - и в поток;
Лишь только пена прыщет.
Ко рву ль примчится - разом скок,
Лишь только воздух свищет.
Заглох ли лес - с ним широка
Дорога в чаще леса;
Утес ли крут - он седока
Стрелой на круть утеса.
Бегут за днями дни; Вадим
Все дале; конь послушный
Не устает: и всюду им
В пути прием радушный:
Ко граду ль случай заведет,
К селу ль, к лачужке ль дымной
Везде пришельцу у ворот
Привет гостеприимный;
Везде заботливо дают
Хлеб-соль на подкрепленье,
На темну ночь святой приют,
На путь благословенье.
Когда ж застигнет мрак ночной
В лесу иль в поле чистом

Наш витязь, щит под головой,
Спит на ковре росистом
Благоуханной муравы;
Над ним катясь, сияют
Ночные звезды; вокруг главы
Младые сны летают;
И конь, не дремля, сторожит;
И к стороне той, мнится,
И зверь опасный не бежит
И змей приползть боится.
И дни бегут - весна прошла,
И соловьи отпели,
И липа в роцах зацвела,
И нивы пожелтели.
Вадим все дале; уж пред ним
Широкий Днепр сияет;
Он едет берегом крутым,
И взор его летает
С высот по злачным берегам:
Здесь видит луг цветущий,
Там златоверхий город, там
Близ вод рыбацьи кущи.
Однажды - вечер знойный рдел
На небе; лес дремучий
Сквозь пламень зарева синел,

И громовые тучи,
Вслед за багровою луной,
С востока поднимались,
И яркой молнии змеей
В их недре извивались
Вадим въезжает в темный лес;
Там все в тени молчало;
Лишь трепетание древес
Грозу предвозвещало.
И дичь являлася кругом;
Чуть небеса сквозь сени
Светили гаснущим лучом;
И деревья, как тени,
Мелькали в бездне темноты
С разверзтыми ветвями.
Вадим вперед - хрустят кусты
Под конскими ногами;
Везде плетень из сучьев им
Дорогу задвигает...
Но их мечом крушит Вадим,
Конь грудью разрывает.
И едет он уж целый час;
Вдруг - жалобные крики;
То нежный и молящий глас,
То яростный и дикий.

Зажглась в нем кровь; на вопли он
Сквозь чащу ветвей рвется;
Конь пышет, лес трещит, и стон
Все ближе раздается;
И вдруг под ним в дичи глухой,
Как будто из тумана,
Чуть освещенная луной,
Открылась поляна.
И что ж у витязя в глазах?
Шумя между кустами,
С медвежьей кожей на плечах.
С дубиной за плечами,
Огромный великан бежит
И на руках могучих
Красавицу младую мчит;
Она, в слезах горючих,
То силится бороться с ним,
То скорбно вопит к богу...
"Стой.!" - крикнул хищнику Вадим
И заслонил дорогу.
Ни слова тот на грозну речь;
Как бешеный отпрянул,
Сорвал дубину с крепких плеч,
Взмахнул, в Вадима грянул,
И очи вспыхнули, как жар...

Конь легкий отшатнулся,
В корнистый дуб пришел удар,
И дуб, треща, погнулся;
Вадим всей силою меча
Ударил в исполина
Рука отпала от плеча,
И в прах легла дубина.
И хищник, рухнув, захрипел
Под конскими ногами;
Рванулся встать; оцепенел
И стих, грозя очами;
И смерть молчаньем заперла
Уста, вопить отверзты;
И, роя землю, замерла
Рука, разинув персты.
Спешит к похищенной Вадим;
Она как лист дрожала
И, севши на коня за ним,
В слезах к нему припала.
"Скажи мне, девица, кто ты?
Кто буйный оскорбитель
Твоей девичьей красоты?
И где твоя обитель?"
"Князь киевский родитель мой;
Град Киев недалеко;

Проедем скоро лес густой,
Увидим брег высокий:
Под берегом тем кипят, шумят
В скалах струи Днепровы,
На бреге том и Киев-град,
Озолоченны кровы;
Я там дни мирные вела,
Не зная с кручиной,
И в старости отцу была
Утехою единой.
Не в добрый час литовский князь,
Враг церкви православной,
Меня узрел и, распалясь
Душою зверонравной,
Послал к нам в Киев-град гонца,
Чтоб, тайною рукою
Меня похитив у отца,
Умчал в Литву с собою.
Он скрылся на Днепре-реке
В лесном уединенье,
От Киева невдалеке;
О дерзком замышленье
Никто и сонный не мечтал;
Губитель не встречался
В лесу ни с кем; как волк, он ждал

Добычи - и дождался.
Я нынче раннею порой
В луг вышла, полевые
Сбирать цветки; пошли со мной
Подружки молодые.
Мы росу брали на цветах,
Росою умывались,
И рвали ягоды в кустах,
И громко окликались.
Уж солнце жгло с полунебсс;
Я шла одна; кустами
Вилась дорожка; темный лес
Чернел перед глазами.
Вдруг шум... смотрю... злодей за мной:
Страх подкосил мне ноги;
Он сильною меня рукой
Схватил - и в лес с дороги.
Ах! что б в удел досталось мне,
Что было бы со мною,
Когда б не ты? В чужой стране
Изныла б сиротою.
От милых ближних вдалеке
Живет ли сердцу радость?
И в безутешной бы тоске
Моя увяла младость;

И с горем дряхлый мой отец
Повлекся бы ко гробу...
По слабость защитил творец,
Сразил всевышний злобу".
Меж тем с поляны в гущину
Въезжает витязь; тучи,
Толпясь, заволокли луну;
Стал душен лес дремучий...
Гроза сбиралась; меж листов
Дождь крупный пробивался,
И шум тяжелых облаков
С их ропотом мешался...
Вдруг вихорь набежал на лес
И взрыл дерев вершины,
И загорелися небес
Кипящие пучины.
И все взревело... дождь рекой;
Гром страшный, треск за треском:
И шум воды, и вихря вой;
И поминутным блеском
Воспламеняющийся лес;
И встречу, справа, слева
Ряды валящихся деревьев;
Конь рвется; в страхе дева;
И, заслонив ее щитом,

Вадим смятенный ищет,
Где б приютиться... но кругом
Все дичь, и буря свищет.
И вдруг уж нет дороги им;
Стена из камней мшистых:
Гром мчался по бокам крутым;
В расселинах лесистых
Спираясь, вихорь бушевал,
И молнии горели,
И в бездне бури груды скал
Сверкали и гремели.
Вадим назад... но вдруг удар!
Ель, треснув, запылала;
По ветвям пробежал пожар,
Окрестность заблистала.
И в зареве открылась им
Пещера под скалою.
Спешит к убежищу Вадим;
Заботливой рукою
Он снял сопутницу с коня,
Сложил с рамен кольчугу,
Зажег костер и близ огня,
Взяв на руки подругу,
На броню сел. Дымясь, сверкал
В костре огонь трескучий;

Поверх пещеры гром летал,
И бунтовали тучи.
И прислонив к груди своей
Вадим княжну младую
Из золотых ее кудрей
Жал влагу дождевую;
И, к персям девственным уста
Прижав, их грел дыханьем;
И в них вливалась теплота;
И с тихим трепетаньем
Они касались устам;
И девица молчала;
И, к юноши прильнув плечам,
Рука ее пылала.
Лазурны очи опустя,
В объятиях Вадима
Она, как тихое дитя,
Лежала недвижима;
И что с невинною душой
Сбылось - не постигала;
Лишь сердце билось, и порой,
Вся вспыхнув, трепетала;
Лишь пламень гаснуций сиял
Сквозь тень ресниц склоненных,
И вздох невольный вылетал

Из уст воспламененных.
А витязь?.. Что с его душой?..
Увы! сих взоров сладость,
Сих чистых, под его рукой
Горящих персей младость,
И мягкий шелк кудрей густых,
По раменам разлитых,
И свежий блеск ланит молодых,
И уст полуоткрытых
Палящий жар, и тихий глас,
И милое смятенье,
И ночи таинственный час,
И вокруг уединенье
Все чувства разжигало в нем...
О власть очарованья!
Уже, исполнены огнем
Кипящего лобзанья,
На девственных ее устах
Его уста горели
И жарче розы на щеках
Дрожащей девы рдели;
И все ... но вдруг смутился он
И в радостном волненье
Затрепетал... знакомый звон
Раздался в отдаленье.

И долго, жалобно звенел
Он в бездне поднебесной;
И кто-то, чудилось, летел,
Незримый, но известный;
И взор, исполненный тоской,
Мелькал сквозь покрывало;
И под воздушной пеленой
Печальное вздыхало...
Но вдруг сильней потрясся лес,
И небо зашумело...
Вадим взглянул - призрак исчез;
А в вышине... звенело.
И вслед за милою мечтой
Душа его стремится:
Уже, подернувшись золой,
Едва-едва курится
В костре огонь; на небесах
Нет туч, не слышно рева;
Небрежно на его руках,
Припав к ним грудью, дева
Младенческий вкушает сон
И тихо, тихо дышит;
И близок уж рассвет; а он
Не видит и не слышит.
Стал веять свежий ветерок,

Взошла звезда денницы,
И обагрятися восток,
И пробудились птицы;
Копытом топнув, конь заржал;
Вадим очнулся - ясно
Все было вкруг; но сон смыкал
Глаза княжны прекрасной;
К ней тихо прикоснулся он;
Вздохнув, она одела
Власами грудь сквозь тонкий сон,
Взглянула - покраснела.
И витязь в шлеме и броне
Из-под скалы с княжною
Выходит. Солнце в вышине
Горело; под горою,
Сияя, пену расстилал
По камням Днепр широкий;
И лес кругом благоухал;
И благовест далекий
Был слышен. На коня Вадим,
Перекрестясь, садится;
Княжна по-прежнему за ним;
И конь по берегу мчится.
Вдруг путь широкий меж древес:
Их чаща раздалася,

И в голубой дали небес,
Как звездочка, зажглася
Глава Печерская с крестом.
Конь скачет быстрым скоком;
Уж в граде он; уж пред дворцом;
И видят: на высоком
Крыльце великий князь стоит;
В очах его кручина;
Перед крыльцом народ кипит,
И строится дружина.
И смелых вызывает он
В погоню за княжною
И избавителю свой трон
Сулит с ее рукою.
Но топот слышен в тишине;
Густая пыль клубится;
И видят, с девой на коне
Красивый всадник мчится.
Народ отхлынул, как волна;
Дружина расступилась;
И на руках отца княжна
При кликах очутилась.
Обняв Вадима, князь сказал:
"Я не нарушу слова;
В тебе господь мне сына дал

Замену родного.
Я стар: будь хилых старца дней
Опорой и усладой;
А смелой доблести твоей
Будь дочь моя наградой.
Когда ж наступит мой конец,
Тогда мою державу
И светлый княжеский венец
Наследуй в честь и славу".
И громко, громко раздалось
Дружины восклицанье;
И зашумело, полилось
По граду ликование;
Богатый пир на весь народ;
Весь город изукрашен;
Кипит в заздравных кружках мед,
Столы трещат от брашен;
Поют певцы; колокола
Гудят не умолкая;
И от огней потешных мгла
Зарделася ночная.
Веселье всем; один Вадим
Не весел - мысль дале ко.
Сердечной думою томим,
Безмолвен, одинокий,

Ни песням, ни приветам он
Не внемлет, равнодушный;
Он ступит шаг - и слышит звон;
Подымет взор - воздушный
Призрак летает перед ним
В знакомом покрывале;
Преклонит слух - твердят: "Вадим,
Не забывайся, дале!"
Идет к Днепровым берегам
Он тихими шагами
И, смутен, взор склонил к водам...
Небесная с звездами
Была в них твердь отражена;
Вдали, против заката,
Всходила полная луна;
Вадим глядит... меж злата
Осыпанных луною волн
Как будто бы чернеет,
В зыбях ныряя, легкий челн,
За ним струя белеет.
Глядит Вадим... челнок плывет...
Натянуто ветрило;
Но без гребца весло гребет;
Без кормщика кормило,
Вадим к нему... К Вадиму он...

Садится... челн помчалю...
И вдруг... как будто с юга звон;
И вдруг... все замолчало...
Плывет челнок; Вадим глядит;
Сверкая, волны плещут;
Лесистый берег назад бежит;
Ночные звезды блещут.
Быстрее, быстрее в реке волна;
Челнок быстрее, быстрее;
Светлее на небе луна;
На берегу лес темнее.
И дале, дале... все кругом
Молчит... как великаны,
Скалы нагнулись над Днепром;
И, черен, сквозь туманы
Глядится в реку тихий лес
С утесистой стремнины;
И уж луна почти небес
Дошла до половины.
Сидит, задумавшись, Вадим;
Вдруг... что-то пролетело;
И облачко луну, как дым
Невидимый, одело;
Луна померкла; по волнам,
По тихим сеням леса,

По берегу, по крутым скалам
Раскинулась завеса;
Шатнул ветрилом ветерок,
И руль зашевелился,
Ко берегу повернул челнок,
Доплыл, остановился.
Вадим на брег; от берега челн;
Ветрило заиграло;
И вдруг вдали, с зыбями волн
Смешавшись, все пропало.
В недоумении Вадим;
Кругом скалы как тучи;
Безмолвен, дик, необозрим,
По камням бор дремучий
С реки до берега вышины
Восходит; все в молчанье...
И тускло падает луны
На мглу вершин сиянье.
И тихо по скалам крутым,
Влекомый тайной силой,
Наверх взбирается Вадим.
Он смотрит - все уныло;
Как трупы, сосны под травой
Обрушенные тлеют;
На сучьях мох висит седой;

Разинувшись, чернеют
Расселины дуплистых пней,
И в них глазами блещет
Сова, иль чешуями змей,
Ворочаясь, трепещет.
И, мнится, жизни в той стране
От века не бывало;
Как бы с созданья в мертвом сне
Древа, и не смущало
Их сна ничто: ни ветерка
Перед денницей шепот,
Ни легкий шорох мотылька,
Ни вепря тяжкий топот.
Уже Вадим на вышине;
Вдруг бор редеет темный;
Раздвинулся,.. и при луне
Явился холм огромный.
И на вершине древний храм;
Блестящими крестами
Увенчаны главы, к дверям
Тяжелыми винтами
Огромный пригвожден затвор;
Вкруг храма переходы,
Столбы, обрушенный забор,
Растреснутые своды

Трапезы, келий ряд пустых,
И всюду по колени
Полынь, и длинные от них
По скату холма тени.
Вадим подходит: невдали
Могильный виден камень,
Крест наклонился до земли,
И легкий, бледный пламень,
Как свечка, теплится над ним;
И ворон, птица ночи,
На нем, как призрак, недвижим
Сидит, унылы очи
Вперив на месяц. Вдруг, крылом
Взмахнув, он пробудился,
Взвился... и на небе пустом,
Трикраты крикнув, скрылся.
Объял Вадима тайный страх;
Глядит в недоуменье
И дивное тогда в глазах
Вадимовых явленье:
Он видит, некто приподнял
Иссохшими руками
Могильный камень, бледен встал,
Туманными очами
Блеснул, возвел их к небесам,

Как будто бы моляся,
Пошел, стучаться начал в храм...
Но дверь не отперлася.
Вздохнув, повлекся дале он,
И тихий под стопами
Был слышен шум, и долго, стон
Пуская, меж стенами,
Между обломками столбов,
Как бледный дым, мелькала
Бредуща тень... вдруг меж кустов
Вдали она пропала.
Там, бором покровен, утес
Вздымался, крут и страшен,
И при луне из-за древес
Являлись кровы башен.
Вадим туда: уединен,
На груди скал мохнатых,
Над черным бором, обнесен
Оградой стен зубчатых,
Стоит там замок, тих, как сна
Безмолвное жилище,
И вся окрест его страна
Угрюма, как кладбище;
И башни по углам стоят,
Как призраки седые,

И громоздились у врат
Скалы сторожевые.
Душа Вадимова полна
Смятенным ожиданьем
И светит сумрачным луна
Сквозь облако сияньем.
Но вдруг... слетел с луны туман,
И бор засеребрился,
И замок весь, как великан,
Над бором осветился;
И от востока ветерок
Подул передрагасветный,
И, чу!.. из-за стены звонок
Послышался приветный.
И что ж он видит? По стене,
Как тень уединенна,
С восточной к западной стране,
Туманным облеченна
Покровом, девица идет;
Навстречу к ней другая;
И та, приближась, подает
Ей руку и, вздыхая,
Путь одинокий вдоль стены
На запад продолжает;
Другая ж, к замку с вышины

Спустившись, исчезает.
И за идущею вослед
Вадим летит очами;
Уж, ясен, молодой рассвет
Встает меж облаками;
Уж загорается восток...
Она все дале, дале;
И тихо ранний ветерок
Играет в покрывале;
Идет - глаза опущены,
Глава на грудь склонилась
Пришла на поворот стены;
Поворотилась; скрылась.
Стоит как вкопанный Вадим;
Душа в нем замирает:
Как будто лик свой перед ним
Судьба разоблачает.
Бледнее тусклая луна;
Светлей восток багровый;
И озаряется стена,
И ярко блещут кровы;
К восточной обратясь стране,
Ждет витязь... вдруг вспылала
В нем кровь... глядит... там на стене
Идущая предстала.

Идет; на темный смотрит бор;
Как будто ждет в волненье;
Как бы чего-то ищет взор
В пустынном отдаленье...
Вдруг солнце в пламени лучей
На крае неба стало...
И витязь в блеске перед ней!
Как облак, покрывало
Слетело с юного чела
Их встретились взоры;
И пала от ворот скала,
И раздались их створы.
Стремится на ограду он;
Идет она с ограды;
Сошлись... о вещей, верный сон!
О час святой награды!
Свершилось! все - и ранних лет
Прекрасные желанья,
И озаряющие свет
Младой души мечтанья,
И все, чего мы здесь не зрим,
Что вере лишь открыто,
Все вдруг явилось перед ним,
В единый образ слито!
Глядят на небо, слезы льют,

Восторгом слов лишены...
И вдруг из терема идут
К ним девы пробужденны:
Как звезды, блещут очеса;
На ясных лицах радость,
И искупления краса,
И новой жизни младость.
О сладкий воскресенья час!
Им мнилось: мир рождался!
Вдруг... звучно благовеста глас
В тиши небес раздался.
И что ж? храм божий отворен;
Там слышится моление;
Они туда: храм освещен;
В камильницах куренье;
Перед угодником горит,
Как в древни дни, лампада,
И благодатное бежит
Сияние от взгляда:
И некто, светел, в алтаре
Простерт перед потиром,
И возглашается горе
Хвала незримым клиром.
Молясь, с подругой стал Вадим
Пред царскими дверями,

И вдруг... святой налой пред ним;
Главы их под венцами;
В руках их свечи зажжены;
И кольца обручальны
На персты их возложены;
И слышен гимн венчальный...
И вдруг... все тихо! гимн молчит;
Безмолвны своды храма;
Один лишь, таинствен, блестит
Алтарь средь фимиама.
И в сем молчанье кто-то к ним
Приветный подлетает,
Их кличет именем родным,
Их нежно отзывает...
Куда же?.. о священный вид!
Могила перед ними;
И в ней спокойно; дерн покрыт
Цветами молодыми;
И дышит ветерок окрест,
Как дух бесплотный вея;
И обвивает светлый крест
Прекрасная лилея.
Они упали ниц в слезах;
Их сердце вести ждало,
И трепетом священный прах

Могилы вопрошало...
И было все для них ответ:
И холм помолоделый,
И луга обновленный цвет,
И бег реки веселый,
И воскрешенны дрeвеса
С вершинами живыми,
И, как бессмертье, небеса
Спокойные над ними...
Промчались веки вслед векам...
Где замок? где обитель?
Где чудом освященный храм?
Все скрылось... лишь, хранитель
Давно минувшего, живет
На прахе их преданье.
Есть место... там игривых вод
Пленительно сверканье;
Там вечно зелен пышный лес;
Там сладок ветра шепот
И с тихим говором дрeвес
Волны слиянный ропот.
На месте оном - так гласит
Правдивое преданье
Был пепел инокинь сокрыт:
В посте и покаянье

При гробе грешника-отца
Они кончины ждали
И примиренного творца
В молитвах прославляли...
И улетела к небесам
С земли их жизнь святая,
Как улетает фимиам
С кадил, благоухая.
На месте оном - в светлый час
Земли преображенья
Когда, услышав утра глас,
С звездою пробужденья,
Востока ангел в тишине
На край небес взлетает
И по туманной вышине
Зарю распростирает,
Когда и холм, и луг, и лес
Все оживленным зрится
И пред святилищем небес,
Как жертва, все дымится,
Бывают тайны чудеса,
Невиданные взором:
Отшельниц слышны голоса;
Горе хвалебным хором
Поют; сквозь занавес зари

Блистает крест; слиянны
Из света зрятся алтари;
И, яркими венчанны
Звездами, девы предстоят
С молитвой их святыне,
И серафимов тьмы кипят
В пылающей пучине.

1814 - 1817